
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Е.М. АСТАХОВ

*ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ДИПЛОМАТИИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

К ПОЛЕМИКЕ О МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Статья посвящена современному этапу межцивилизационного взаимодействия и месту России в диалоге Запада и Востока. Раскрывая разные подходы к понятию цивилизации, автор выделяет острые проблемы западного цивилизационного монолога в условиях внутреннего противоречия его ценностей, а также ошибочность концепций создания «общечеловеческой» цивилизации. Особое внимание уделяется теме «Русского мира» и поиска национальной идеи как средства сплочения соотечественников за рубежом.

Ключевые слова: цивилизация, «вестернизация», культурно-историческое многообразие, культурная унификация, цивилизационный монолог, «русский путь», «русский мир», международное сообщество.

Е. АСТАНОВ

*AMBASSADOR EXTRAORDINARY AND PLENIPOTENTIARY, PROFESSOR
DEPARTMENT OF DIPLOMACY AT THE MOSCOW STATE INSTITUTE
OF INTERNATIONAL RELATIONS (UNIVERSITY)*

DISPUTE ABOUT INTERCIVILIZATIONAL DIMENSION OF THE MODERN WORLD

The article is devoted to the contemporary stage of interaction between civilizations and Russia's place in the dialogue of East and West. Revealing different approaches to the concept of civilization, the author discloses the acute problems of Western civilization's monologue and the inner contradiction of its values, as well as erroneous concepts of «universal» civilization. Particular attention is paid to topics of «Russian world» and national idea as means of uniting compatriots abroad.

Key words: civilization, «Westernization», the cultural and historical diversity, cultural unification, civilizational monologue, «Russian way», «Russian world», international community.

В XXI веке стало модным говорить о диалоге цивилизаций. Это выглядит «политкорректным» проявлением «толерантности» к другим культурам, верованиям и точкам зрения. В международной практике, однако, диалог зачастую подменяется монологом евроатлантической цивилизации, которая в риторике вполне «политкорректна», а в практической политике пытается навязать остальному человечеству свои стандарты и ценностные ориентации.

И это в условиях, когда притязания евроатлантистов на высший цивилизационный статус уже не имеют многих прежних оснований. Налицо признаки размывания экономического доминирования Запада, который начинает проигрывать соревнование по объемам ВВП в среднесрочной перспективе. В условиях мирового системного кризиса в западных элитах растет понимание экономической силы Китая,

Индии и других «восходящих» стран. По оценкам ряда американских экспертов уже сегодня производительность труда во многих азиатских странах – выше, чем в США и Западной Европе. К 2050 году на долю Азии будет приходиться 57% мирового продукта. В этой связи упор переносится на фундаментальные науки и инновационные технологии. Но и в этих сферах возможно продвижение вперед в Китае, Индии, Бразилии, России и в ряде других стран.

Цивилизация включает в себя не только материальные факторы. Посмотрим на евроатлантическую цивилизацию под этим «нематериальным» углом зрения. Принято считать, что она базируется на определенном образе жизни, политических институтах демократии, либеральных принципах экономического управления, стандартах свободы, христианской религии, сходных культурных признаках. Однако реаль-

ное содержание этой цивилизации в последние годы становится диффузным. Директор Люксембургского института европейских и международных исследований Арман Клесс отмечает, что основные характерные черты западной цивилизации сегодня – «пустота и бессодержательность». Она утрачивает интеллектуальную и духовную сущность, что может привести к процессу «де-цивилизации». В результате секуляризации и эрозии основ западной цивилизации идет процесс ее «репримитивизации». Прежние нравственные ценности становятся вторичными, а такие тривиальные концепции, как права и свободы человека начинают исполнять роль «этических суррогатов».

На этом фоне особенно тревожно констатировать, что во многие страны «незападного» мира уже проникла «зараза» западной цивилизации. Встает вопрос о необходимости «девестернизации» и «деколонизации умов». (1). Такие выводы оценки Армана Клесса разделяются и рядом других западных интеллектуалов. Однако они существенно на практической политике евроатлантических элит не отражаются.

В этой связи стоит вспомнить «цивилизационный» подход к истории. В соответствии с концепцией русского ученого Н.Я. Данилевского, человечество подразделяется на несколько автономных образований, каждое из которых имеет собственную историю. Данилевский ввел понятие «культурно-исторический тип», который приравнивается к понятию «цивилизация». По Данилевскому существование «культурно-исторических типов» составляет содержание всемирной истории и выражено рядом характеристик. В их числе: единая языковая база; политическая независимость; незабываемость цивилизационных основ (самобытность, духовные, культурно-исторические особенности) (2).

Согласно Д.Ж.Тойнби сейчас на земле пять цивилизаций: западная христианская; православная христианская; исламская; дальневосточная; индуистская (3). Эти цивилизации взаимодействуют и могут влиять друг на друга. Русский социолог П.А.Сорокин писал, что каждая цивилизация – не столько культурная система, сколько социальные общности (смыслы, ценности, интересы) (4). С. Хайтингтон определяет цивилизацию как культурную общность людей, объединенных языком, историей, религией, обычаями, институтами. Другими словами, цивилизация – это «мы», где человек чувствует себя «дома» (5).

Сегодня на Западе остро стоит проблема иммиграции. Начиналось все «либерально и демократично». Как бы заглаживая вину перед колониальным прошлым, западноевропейцы на первых порах широко открыли двери для им-

миграции, прежде всего из Африки, Ближнего и Среднего Востока. Впоследствии число иммигрантов стало расти, а их требования предоставлять по сути равный с европейцами социально-гражданский статус становились все более жесткими. Западные европейцы сталкиваются с внедрением чуждых им культур при реальной опасности растворения в них своей культуры, прежде всего в силу демографического фактора. Придет время, когда вместо «мы», европейцы будут говорить «они».

Сходные процессы идут и в США. Но там они пока не так заметны, ибо американская цивилизация сравнительно молода и собственной богатой культуры не имеет. В Западной же Европе ситуация иная. Здесь уже сегодня чувствуется негативная реакция на проникновение других культур. Но главные трудности – впереди. Косово и планы создания «великой Албании» – своего рода предвестники будущих конфликтов.

Здесь мы подходим к одному важному обстоятельству. Данилевский считал, что общечеловеческой цивилизации не существует. Без сохранения национального или культурно-исторического многообразия развитие человечества вообще невозможно (6). Дж. Тойнби также полагал, что каждая цивилизация – попытка общечеловеческого творчества, а если смотреть ретроспективно – пример общечеловеческого опыта. Дж. Тойнби, как и О. Шпенглер, не согласен с концепцией единства цивилизаций, объясняя это гипертрофированным чувством «евроцентризма» современных историков. Именно от «евроцентризма», а можно сказать «атлантизма», идет насильственный экспорт демократии и западных ценностей. Запад – за унификацию «культуры и жизни», за глобализацию мира на основе своих ценностей. Тот факт, что они не являются ценностями для других культур, во внимание не принимается. Это – не мессианская слепота западной культуры. Это – холодные геополитические расчеты, борьба за умы, территории и ресурсы.

В этой политике просматривается явный монолог одной цивилизации, пытающейся не просто предложить, а буквально навязать свою волю другим. Основные элементы такого монолога: отсутствие достоверной информации и нежелание ее иметь; пренебрежительное отношение к другим цивилизациям; высокомерие современного колониализма, строящего иллюзии о своем превосходстве.

Дж. Неру еще в 1931 г. отмечал, что европейцы представляют себя самыми цивилизованными и свысока смотрят на Азию (7) (сегодня можно сказать, что европейцы под таким же углом зрения смотрят на латиноамериканские и многие другие страны, не входящие в «золотой

миллиард»). Об этом свое время писал и Данилевский: Европа считает себя «общечеловеческой цивилизацией». Схему всемирной истории как однонаправленного восхождения по ступеням общечеловеческого прогресса Данилевский считал ошибочной. Он первый показал, что попытки создать общечеловеческую цивилизацию контрпродуктивны и во многом даже опасны. Это – путь к созданию единого государства и режима глобального «единодержавного» управления (3), что в обозримом будущем вряд ли возможно.

Дж. Неру и Данилевский как будто говорят о сегодняшних реальностях. Понятие о западной «общечеловеческой цивилизации» навязывается всему миру политическим руководством евроатлантического блока, политологами, СМИ. К сожалению, в этом хоре слышен голос и российских «западников», для которых Европа – это прогресс, а Восток – регресс, чуть ли вчерашний день. Только сейчас они нехотя начинают признавать появление новых конкурентов на мировой сцене. Однако генетическая подкорка у людей, ориентированных в духе «западников», остается прежней: США и Западная Европа – высшая и самая передовая демократическая цивилизация. Налицо попытка придания западным ценностям статуса общечеловеческих, насаждение западных стандартов в рамках концепций демократии и прав человека. Тот факт, что реальная политика Запада фактически противоречит этим постулатам, не волнует ни «золотой миллиард», ни их последователей в нашей стране. Мы это видели в циничных акциях США и НАТО против Сербии, Ирака, в грузино-южноосетинском конфликте. Достаточно жесткий прессинг ведется и против России.

Цивилизационный монолог проявляется и в обыденной жизни. В международной политике нередко ведет к конфликтам. По сути дела уже сегодня идет война цивилизаций. Основное направление такого противостояния – борьба за природные ресурсы. США жизненно необходимы нефть и контроль за нею на Ближнем Востоке. Их расходы на войну в Ираке уже превысили полтора триллиона долларов. Американских власти да и общество в целом мало волнует, что гибнет мирное население других стран. Их интересуют только потери американских солдат. Для достижения своих стратегических целей США ведут жестко идеологизированную пропаганду, в которой они в свое время обвиняли СССР. Причем, республиканцы и демократы в этом смысле практически едины во внешней политике. Американская элита – точная «калька» с ЦК КПСС. Эта пропаганда фактически приобретает характеристики информационной войны. В ней задействованы все государство, а так-

же частные фонды с огромными бюджетами.

Монолог Запада – это и использование рычагов «soft power», которые на деле являются не мягкой, а жесткой силой. По сути дела западная цивилизация – это культура денег. Она основывается на материалистической философии, приоритете технологического развития, массового потребления. При этом остальному миру предлагается догонять англосаксонскую цивилизацию, с целью выхода в будущем на единую глобальную цивилизацию.

Все это экспортируется в Россию и на Восток. Определенные результаты этого экспорта уже видны в нашей стране и ряде других стран. Но в принципиальном плане возможности этого экспорта ограничены. У Востока есть своя философия и свои ценности. А на российской земле всегда было трудно культивировать радикальный либерализм, хотя его сторонники имеются и в части нашей элиты.

Наша официальная позиция в вопросах взаимодействия цивилизаций принципиально иная: диалог Запад – Восток может осуществляться только на основе полного равенства. Без этого сближение цивилизаций и тем более переход к «общечеловеческой» цивилизации вряд ли возможны.

Россия всегда трудно встраивалась в глобализацию. Вряд ли стоит погружаться в историческую полемику об исключительности «русского пути». Вместе с тем, для понимания межцивилизационного измерения нынешней России желательны иметь в виду некоторые факторы ее формирования.

Российской нации генетически было присуще расширение во времени и пространстве. Так шла и история становления российского государства. В XX веке в этом расширении свою роль сыграли сложные, а порой и драматические страницы нашей истории. Разные по времени волны эмиграции в конце XIX начале XX веков, в периоды революционных катаклизмов, гуманитарных катастроф второй мировой войны привели к пространственным, по сути планетарного масштаба, перемещениям миллионов людей. Но уже не миллионы, а десятки миллионов оказались вне пределов своей Родины после распада СССР.

В результате всех этих тектонических процессов сформировался «русский мир», который далеко выходит за границы России, а в ряде случаев, за пределы русского этноса. Русскоязычное сообщество – вместе с гражданами России – сейчас занимает пятое место в мире. Наши соотечественники – это люди, ассоциирующие себя с Россией, с русской культурой. Хотя понятно, что чувствовать себя частью России – это вопрос личного выбора, духовного самоопре-

ления.

В результате распада СССР вне России, причем не по своей воле, оказались более 25 миллионов людей. Это – геополитическая катастрофа, не имеющая аналогов в мировой истории. Эти русские люди, не покидая своей земли, превратились в эмигрантов. Теперь они – российская диаспора и одновременно этническое меньшинство в новых странах.

Встает вопрос, какую политику следует проводить по отношению к этим людям?

Полемика на этот счет довольно противоречива. До последних лет в части российской правящей и в целом политической элиты сохранялся «беловежский» подход. Эти люди, мол, являются частью населения суверенных государств, и ответственность за их права и судьбы лежит на руководстве новых стран. Такой подход устраивает и руководство новообразованных государств. Он дает им возможность беспрепятственно решать свои стратегические задачи: укрепление государственности, прежде всего закрепление «навечно» в качестве государственных границ прежних линий административного деления бывших советских республик, силовое распространение «титовского» языка на все, в том числе русскоязычное население, его информационная блокада, ограничение влияния православной церкви, и прежде всего Московской патриархии. Эти процессы особенно рельефно проявляются в Украине, где они подчинены главной задаче – подключению страны к евроатлантической цивилизации с параллельным ослаблением влияния России.

Подобная национальная политика характерна и для ряда других бывших республик СССР.

В практическом плане решать проблемы русскоязычного населения на постсоветском пространстве непросто, даже в случае наличия соответствующей политической воли «наверху». Взять, например, тему несоответствия произвольно установленных границ Российской Федерации и реальных пределов распространения русской культуры, русского языка, русскоязычного населения и русского национального самосознания.

В последние годы со стороны российского руководства предпринимаются попытки воспрепятствовать политике ассимиляции русскоязычных диаспор в ближнем зарубежье. Но дальше увещаний дело не идет.

Причин такой линии несколько:

- Россия пока не достаточно сильна, чтобы ее озабоченности принимались во внимание;
- значительна зависимость России от мировой экономики. Главное: Россия пока не может обеспечить свою экономическую безопасность;
- любые попытки на официальном уровне

реально защитить права российских диаспор на постсоветском пространстве будут жестко пресекаться Западом, который не допустит возрождения «имперской» России.

Россия пока предпочитает действовать осторожно, стремясь сохранить свою политическую и экономическую стабильность. Возможно, в будущем Россия окрепнет и в изменившейся международной ситуации сможет более решительно отстаивать свои интересы. Пока же можно надеяться на то, что русский этнос сохранит историческую сопротивляемость к этнической ассимиляции и свое национальное самосознание.

В последнее время в российском руководстве обозначился психологический перелом в отношении наших соотечественников. Есть понимание, что любой человек, причисляющий себя к российским соотечественникам и реализующий этот свой выбор в поисках контактов с российским культурным наследием, может претендовать на оказание ему помощи в рамках программ поддержки диаспоры за рубежом.

Работа с соотечественниками, решение задач продвижения культуры и благоприятного образа России малоэффективны, и будут впредь малоэффективны без четкого определения национальных целей. Сильная диаспора может быть только у сильного государства. А сильное государство немислимо без национальной идеи.

После революций и катаклизмов 1917 и 1991 гг. этот вопрос у нас сейчас довольно запутан. Для России малопродуктивны попытки выдумать национальную идею на «технологических» началах: повышение конкурентоспособности, экономического рывка с выходом в «восьмерки» и «двадцатки» передовых стран. Одного развития экономики для российского менталитета мало. Россия всегда нуждалась в духовном развитии, в четких нравственных ориентирах, глубоком историческом осмыслении своего пути. Но для нынешней России, с учетом ее многонационального состава, поиски национальной идеи не должны сводиться к решению чисто русского этнического вопроса. Речь, как нам представляется, должна идти об общероссийской задаче. Известные постулаты о православии, собирании земель и общинном коллективизме могут не найти понимания других этнических групп и элит ряда субъектов Федерации.

Национальную идею надо искать на путях единого восприятия нашей общей истории, без ультралиберальных и леворадикальных черно-белых красок, восстановления социальной справедливости, возрождения морали, осмысления места страны в мировом развитии.

Сегодня внешняя политика представляется прагматичной. После политико-идеологических

потрясений прошлого века такая линия, естественно, – более разумна и экономна. Но повторим: без национальной идеи и научно обоснованной стратегии Россия не сможет выполнить историческую задачу укрепления «Русского мира» внутри и вне своей страны.

Тема «Русского мира» требует отдельного рассмотрения. Упомянутые выше соображения служат лишь для постановки вечного вопроса: что делать России? До последнего времени она перед натиском Запада только защищалась. Такая линия восходит еще к временам Хельсинского процесса. Мы постоянно оправдывались, говорили о «своем пути», своем понимании права, «действительных» правах человека, «суверенной демократии». Защита и отсутствие конструктивных шагов в этом смысле равнозначна беспомощным объяснениям, а стратегически – путь к поражению. Мы проиграли Хельсинский процесс, ибо согласились с западной трактовкой концепции «третьей корзины» (гуманитарные контакты, права человека, демократия) без какой-либо адаптации к условиям России, без учета национальных традиций и культуры нашего народа. Наш расчет на компенсацию в виде закрепления ялтинских границ провалился в результате внешнего прессинга и действий некоторых внутренних политических сил, чьи личные властные амбиции совпали с геополитическими интересами Запада.

Мюнхенская речь В.В. Путина и жесткая реакция России на агрессию Грузии сигнализируют, что геополитическая катастрофа 1991 года и ожидания российских либералов «восхода солнца с Запада», похоже, начинают преодолеваться. Многие утраченные позиции, в частности на постсоветском пространстве, уже не вернуть, но отстаивать свои интересы необходимо. Не нагло и цинично – это не в нашей политической культуре, а твердо, последовательно и взвешенно.

При этом следует избегать лобовых конфликтов. Диалог, полемику желательно продолжать, но не питая иллюзий, что мы добьемся сразу и во всем существенных успехов. Очевидная польза от такого диалога – не усиливать конфронтацию и тем самым укреплять позиции политических оппонентов, которые от этой конфронтации только выигрывают. Это видно в натовской политике в Украине, в Грузии, окружении России по всему периметру ее границ. Нельзя исключать в будущем и прямой борьбы за российские ресурсы.

В этих условиях Россия должна «сосредотачиваться» внутри, укрепляя государственность и реальный сектор экономики, повышая благосостояние и духовно-нравственный потенциал населения. Одновременно необходимо активизи-

зировать наступательность политических усилий вовне.

В широком смысле в понятие Восток входят не только новые экономические лидеры. Это и страны Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и в целом, как мы говорили раньше, «третьего мира». Большая часть этого «мира» пока не может противостоять Западу в военном отношении. Отсюда – асимметричный ответ, прежде всего терроризм. Конфликт западной и исламской цивилизации уже идет, причем, в чем-то он уже, по сути, приобретает военный характер. Каким будет будущий сценарий этого конфликта, мы не знаем. Много будет зависеть от Китая и Индии, их растущего военного потенциала.

Анализируя диалог цивилизаций, обратим внимание еще на один его аспект. Необходимость такого диалога очевидна и не требует каких-то особых доказательств. О нем написано и сказано немало. И все же на некоторых моментах остановимся специально.

1. Действительно, императивы глобализации, взаимозависимость государств требуют межцивилизационного диалога. Но ценой международного согласия не может быть отказ от национальной и внешнеполитической самостоятельности, от государственного суверенитета.

2. Есть мнение о необходимости духовно-нравственной основы общечеловеческой солидарности. С этим можно согласиться, но не следует предаваться иллюзиям: человеческая природа осталась прежней, сущность политических отношений не меняется.

3. Поиск общего нравственного знаменателя всегда сосуществовал в мировых религиях. Сегодня его роль затруднена из-за «двойных стандартов», продиктованных экономическими, геополитическими и блоковыми интересами.

4. В XXI веке безопасность государств невелика. Однако просматривается стремление к достижению «абсолютной» безопасности в ущерб безопасности других (противоракетная оборона, новые виды оружия массового поражения).

5. Тезис о том, что современные межцивилизационные проблемы не имеют силового решения, представляется бесспорным. Но в реальной политике силовых методов решение острых международных проблем не исключается.

6. Очевидны попытки реидеологизировать международную политику. В отношении России сейчас в ходу такой тезис: западная либеральная демократия против российского авторитарного режима. В этой связи можно говорить о политико-психологической установке на сдерживание России. Одновременно это используется и как средство сплочения Запада.

На фоне многих негативных тенденций по-

зитивные импульсы к диалогу может дать ООН – единственная глобальная организация. Параллельно рождается новая «сетевая дипломатия» в гибких форматах взаимодействия: диалоговый механизм между Россией, Китаем и Индией с подключением Бразилии в рамках группы

БРИК, Шанхайская организация сотрудничества, ЕВРАЗЭС.

В итоге представляется бесспорным, что линии на диалог необходимо продолжать. Возможно, что в истории все уже предопределено, но другой альтернативы нет.

Литература

1. Диалог культур и партнерство цивилизаций. IX международные Лихачевские чтения. - Санкт-Петербург, 2009, с.79.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа.- Москва: Книга, 1991, с.91-92.
3. См. Тойнби А. Дж. Постигание истории. - Москва: Прогресс, 1991.
4. См. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – Москва: Изд-во политической литературы, 1992.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва, 2003.
6. Данилевский Н.Я. Указ. соч. , с. 400.
7. Неру Джавахарлал. Взгляд на всемирную историю. – Москва: Прогресс, 1973, с. 48.